Т 833-п.п.
296621
2487

МЕЧ ПРАВДЫ

Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне

РОСТИЗДАТ · 1945

Цена 6 руб.

РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ростов н-Д., Морская, 155

V.N. Karazin Kharkiv National University
00800791
5

~~3289~~
811 (cr : 11)
4 1.

Т-833-т.т.

24787

ФОЛЬКЛОР КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Запись, предисловие и сведения о сказителях
Ф. В. Тумилевича

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1948 г.

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1948

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Інв. № 29662

РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ростов н-Д. — 1945

ПРЕДИСЛОВИЕ

Некрасовцы являются потомками донских казаков (в основном, голутвенных, т. е. бедных слоев), которые под руководством Кондратия Булавина принимали участие в крестьянско-казачьем движении 1707—1708 гг., направленном против крепостнического строя. После смерти Булавина это движение продолжалось еще в течение нескольких месяцев. Среди руководителей его наибольшим авторитетом пользовался Игнат Некрасов; за ним шла основная масса восставших.

После упорной борьбы царская регулярная и хорошо обученная армия, с помощью домовитых (зажиточных) казаков, нанесла восставшим сильные поражения: первое — 22 августа 1708 г. под городком Паншиным и второе — в начале сентября 1708 г. под городком Есауловым.

Стремясь спасти остатки своих войск, 9—10 сентября 1708 г. Некрасов переправился на левый берег Дона. Помимо его боевых отрядов, с ним ушли поголовно жители многих донских городков. Установить точно число ушедших не представляется возможным. В ряде произведений устной поэзии утверждается, что с Некрасовым ушло 40 тысяч, не считая стариков и детей, но эта цифра, повидимому, сильно преувеличена. С другой стороны, несомненно, преуменьшено количество (2000 чел. с женами и детьми), ушедших с Некрасовым, указанное в письме от 10 сентября 1708 г. князя В. В. Долгорукого (командовавшего карательными войсками Петра I на Дону). Несомненно, В. В. Долгорукий значительно преуменьшил это число, опасаясь навлечь на себя гнев Петра I за то, что он не до конца разгромил восставших, дал возможность выйти из-под удара значительным их силам.

Уйдя с Дона на Кубань, некрасовцы основали несколько селений у устья р. Лабы, а также городки Блудиловский, Голубинский и Чирянский на Таманском полуострове. На Кубани некрасовцы оставались до сороковых годов XVIII в., а затем часть их переселилась на левый берег Кубани, а большинство — в Добруджу, в устье Дуная. В восьмидесятых годах XVIII в. в устья Дуная переселились с Кубани и все остальные некрасовцы.

В Добрудже некрасовцами были основаны селения: Большие Дунавцы, Сары-Кей, Слава Черкасская и Журиловка. В девяностых годах XVIII в. некрасовцы из Больших Дунавцев (где насчитывалось их свыше 10000) и, частично, из Сары-Кей начали переселяться в Малую Азию, на берега озера Майнос и на Энос (Эгейское море).

Поселившиеся на Майносе казаки были большими «ревнителями древнего благочестия» («раскольники» беглопоповского толка) и хранителями традиций старины. Они бережно хранили любовь к родине, национальное единство, обычаи предков, язык. Посетивший в 1863 г. Майнос Иванов-Желудков писал: «Майнос в полном смысле слова независимая республика, вассальная султану, имеющая свое законодательство, с правом даже смертной казни над своими членами. Майнос — казацкая станица в старинном значении этого слова».

К такому же заключению пришел и доктор Щепотьев, побывавший у некрасовцев в 1891 г.: «Не сливаясь с окрестным населением и оставаясь вполне русскими, несмотря на то, что все они родились на Майносе, никто из них России не видел и не имеет понятия о родине своих дедов и прадедов, тем не менее крепко сплоченные между собой, не допускающие в свою среду никого другого, — они остались русскими по духу, языку и даже по одежде».[1]

Жизнь некрасовцев на Майносе строилась на основе обычаев предков, а также законов (заветов) И. Некрасова, которые определяли не только общественное устройство Майноса, но и повседневный быт казаков. Приводим некоторые, наиболее характерные из этих заветов: царизму не подчиняться, при царизме в Россию не возвращаться; крепко держаться старой веры, старых обычаев, с турками не сближаться, брачные союзы заключать лишь между своими же казаками и казачками; власть над казаками принадлежит только кругу, который избирает на 1 год атамана и есаула; весь заработок сдавать в войсковую казну, откуда выделять каждому заработанную долю, все остальные суммы делить на три части: 1) в войсковые доходы, 2) на школу и церковь и 3) на содержание стариков и детей.

К шестидесятым годам XIX в. жизнь некрасовцев на Майносе сделалась особенно тяжелой в связи с тем, что они отказались от военной службы. Турки заставили их платить тяжелые налоги, стали притеснять их. Эти притеснения все усиливались, и в 1911 г. казаки-майносцы возбудили перед царским правительством ходатайство о возвращении на родину. Это ходатайство было удовлетворено, но майносцам не разрешили поселиться вновь на Дону, как они этого добивались.

Первая партия некрасовцев, в количестве 80 семейств, по возвращении в Россию в 1912 г., была поселена у станции Натанеби быв. Кутаисской губ. Там же царское правительство поселило и другую партию некрасовцев (70 семейств), прибывшую в 1913 г. Так образовалось здесь два некрасовских хутора — Успенский и Воскресенский. В 1918 г. некрасовцы переехали на Кубань, в станицу Прочноокопскую. Во время господства белогвардейщины на Кубани некрасовцам земли не давали, их считали беженцами. И только с установлением советской власти на Кубани, некрасовцам была предоставлена (в 1921 г.) хорошая, плодородная земля в Приморско-Ахтарском районе, где они и основали хутор Новонекрасовский (в 30 километрах от станицы Приморско-Ахтарской). Советское правительство отпустило специальные средства на по-

[1] Щепотьев В. — «Русские деревни в Азиатской Турции», журн. «Вестник Европы», 1895 г., стр. 563.

стройку домов некрасовцам и в течение пяти лет освобождало их от всяких налогов.

Около 150 семейств некрасовцев живет ныне в этом хуторе, распланированном по городскому типу, с широкими прямыми улицами. По соседству с Новонекрасовским хутором находится и хутор Новопокровский, заселенный некрасовцами, переселившимися из селения Сары-Кей (в Добрудже). Живя на Дунае, их предки ассимилировались с беглыми из России; поэтому они плохо помнят свою историю, не сохранили образцов устного творчества, не знают и старого казачьего языка. Вблизи этих двух хуторов в 1924 г. возник еще один — Потемкинский — из 50 семей некрасовцев, переселившихся с берегов Майноса (селение Гамидия, образованное в 1877 г. некрасовцами-переселенцами с Дуная).

Впервые за весь долгий период своей жизни некрасовцы твердо осели на земле, являясь равноправными гражданами великой родины. Мечта предков «о земле обетованной, счастливой» стала реальной действительностью.

В 1934 г. хутора Потемкинский и Новопокровский организовали колхоз «Красная звезда», а Новонекрасовский — «Красное знамя». С 1935 г. основной, ведущей культурой на полях этих колхозов стал хлопок. За блестящие успехи в хлопководстве оба они были допущены к участию во Всесоюзной с.-х. выставке и были премированы. Колхоз «Красная звезда», в котором бессменным председателем является казак-некрасовец К. П. Лагерев, был премирован грамотой выставочного комитета, 10 тыс. руб. и двумя автомашинами, а сам Лагерев награжден серебряной медалью.

До оккупации района немцами жизнь трудолюбивых колхозников-некрасовцев была «полной чашей» изобилия. В каждом доме можно было видеть ковры, шифоньеры, кровати с сетками, охотничьи ружья, книги. Много было велосипедов, патефонов. Во дворах разбиты были клумбы цветов, на приусадебной земле — фруктовые сады, хаты поражали своей изумительной чистотой и снаружи и внутри.

С началом войны с гитлеровской Германией некрасовцы проводили в Красную Армию всех мужчин мобилизационных возрастов.

Когда немецко-фашистские захватчики приблизились, все подростки ушли с частями Красной Армии. Оставшиеся в хуторах старики и женщины зарыли хлеб, часть скота эвакуировали, а остальной — угнали в плавни.

Пришли немцы. Томительной чередой потекли для некрасовцев дни, исполненные непрестанной тревоги. Много тяжелого пришлось испытать. Тотчас же по прибытии в хутор немцы занялись неистовым грабежом. Врываясь в хаты, они уносили все сколько-нибудь ценные вещи. Схватив неуспевших отступить депутатов райсовета Чеботареву и Сиротина, немцы подвергли их зверским истязаниям (каждый получил по 100 ударов плетью), затем полумертвых, обливающихся кровью, бросили в сарай. Потом стали избивать многих других хуторян.

Но эти зверства не устрашили некрасовцев. Поздно вечером все они собрались у дома коменданта и потребовали, чтобы им выдали на поруки Чеботареву и Сиротина, приговоренных к расстрелу. Комендант сначала отказывался, грозил открыть огонь

по толпе, но потом, видя большое возбуждение, опасаясь восстания, уступил. В дальнейшем некрасовцы саботировали распоряжения немецких властей. Многие хуторяне-старики, узнав, что они приговорены немцами к расстрелу, скрылись в плавнях.

В дни Великой Отечественной войны некрасовцы-труженики тыла показали себя подлинными патриотами. Так, в 1944 г. все поставки государству они выполнили досрочно — к 25 сентября и дополнительно сдали 140 тонн хлеба в фонд Обороны. За примерную работу они получили от райсовета и райкома партии переходящее Красное знамя.

* * *

Старшее (начиная, примерно, с 50 лет) поколение казаков-майносцев является основным хранителем поэтического наследия своих предков петровской и допетровской эпохи, которое они сохранили во всей чистоте, оградив от позднейших примесей и наслоений.

Почти все жанры русской устной поэзии известны новонекрасовцам. Но живя на чужбине, в Турции, и бережно храня там русские песни, занесенные их предками, и частично пополняя свой поэтический репертуар песнями, заносившимися беглыми из России, — казаки-некрасовцы были, кроме того, создателями новых произведений и текстов, в которых они отразили и свою скитальческую жизнь, и любовь к покинутой родине, и стремление к новой, лучшей жизни.

И в дни Отечественной войны, когда Родине грозила смертельная опасность, некрасовцы, их старшее и среднее поколения, дали живой поэтический отклик на развертывающиеся великие события. При этом в процессе своего творчества некрасовцы используют народные поэтические традиции, жанры, образы, изобразительные средства. Творцы новых произведений чаще всего берут из прадедовского фольклора образы, мотивы, жанры, более отвечающие действительности, и по их образцу создают новые, на основе поэтического переосмысливания. Основной принцип искусства — мыслить образами и картинами — полностью осуществляется в поэзии некрасовцев.

Лучшие некрасовские мастера художественного слова, используя старое поэтическое наследие, создали следующие жанры: 1) плачи-причитания, 2) былины (лиро-эпические), 3) лирические песни, 4) песни «сердцебитные» (шуточно-сатирические), 5) сказы, 6) сказки-легенды и 7) рассказы-воспоминания.

Плачи-причитания в прошлом выражали, в большинстве, индивидуальное горе.

В дни Отечественной войны плачи видоизменились и по содержанию, и по основной функции. Они проникнуты ненавистью к немецко-фашистским захватчикам, призывают дать им сокрушительный отпор, разбить их наголову, отомстить им сурово за все их бесчисленные злодеяния. По своему характеру — это произведения лиро-эпические.

Так же лиро-эпичны и былины некрасовцев, созданные в условиях Отечественной войны. В противоположность былинам Севера, они поются (многоголосно или одноголосно), а не рассказываются; в связи с этим они более кратки по размерам.

Современные песни лирические и «сердцебитные», а также

сказы и сказки-легенды созданы также «по образу и подобию» стародавних некрасовских.

Блестящими поэтическо-импровизаторскими способностями у некрасовцев обладает Т. И. Капустина. Для нее особенно характерно творческое переосмысливание старого материала. Например, ее плач «Дитятка моя полоненная» создан на основе старинного причета, исполнявшегося, обычно, матерью в последний вечер перед свадьбой дочери. В причете, в котором ярко выражена покорность судьбе, говорилось: «Дите мое родное... открасовалась, отгулялась ты в доме матери, а теперь уходишь ты к чужим людям. У чужих людей несладко, им всем нужно угождать... Будь, моя дитятка, всем покорная, и будешь тогда всем желанная». Совсем не такое содержание плача, сложенного Т. И. Капустиной. Она дает совет русской девушке, попавшей в немецкое рабство, не слушаться врагов и заканчивает плач так: «Будь ты русская — станешь вольная».

Чтобы точней уяснить характер творческой импровизации Т. И. Капустиной, приводим два песенных текста. Вот старая некрасовская песня:

«Из-под яру было, яру высокого.
Из-под Шаб-горы было, из-под камушка, —
Из-под камушка было, из-под белого;
Из-под кустичка было, из ракитова;
Там да пролегивала степ-дорожунька.
Шириною она была неширокая,
Долиною она конца-краю-то нет, —
Ой-да, никто по той дорожке не хаживал,
Только шла-то-прошла красная девочка,
Бойна голова у ней склокотанная,
А коса русая у ней заплетённая.
А на буйной голове у ней всё золот-венец,
А в косе-русе у ней да бела кисточка, —
Бела кисточка у ней мелка земчуга.
А за девочкой да всё погонь гонют.
Все погонь гонют да донские козаки.
Они промежду собой речи говорили:
— Ой, мы ведь догоним красную девочку,
Мы да и снимем с нее да кунью шубу —
Мы да и снимем с нее золотой венец,
А и вырвем у нее из косы белу кисточку, —
Белую кисточку, да белого земчуга.
Не догнавщи, они сами становилися,
Да промежду собой речь говорили:
— Не догнали мы, да, красную девочку,
И не сняли мы с нее золотой венец,
И не взяли мы с нее кунью шубочку. —
И не взявши, они назад воротилися».

Эту песню некрасовцы относят к числу «компанейских»: она, в качестве лирической, чаще всего исполнялась во время «бесед», в «компаниях». Взяв ее за образец, Т. И. Капустина создала новую песню, которая, хотя и близка к приведенной старой по ритмическому строю и по ряду отдельных выражений, но раскрывает уже иную, общественную тему, тему периода Отечественной войны. Текст этой новой импровизации таков:

«Из-под яру было, яру всё высокого,
Из-под камушка было, из-под белого,
Да из-под кустичка было ракитова.
Там да пролегивала степ-дорожунька
Шириною она была, дорожунька, неширокая.
Долиною она конца-краю ей нет.
Ой, и шли-то, прошли да по той дорожуньке,
Они же всё красные девочки подневольнаи,
Ай бойны головы у них склокотаннаи
Да и косы русые у них все пообрезаннаи,
А на бойных головушках — тернов венец,
А во глазушках же — горе горькое,
А на глазушках — занавесочки земчужнаи.
Как за девочками всё погонь гонют,
Все погонь гонют, да немчуги проклятаи,
Да немчуги проклятаи, племя иродово.
Они погонь-то гонют, да всё речи говорят:
— Мы догоним же красных девочек,
Красных девочек до самой Германии.

Другие произведения Т. И. Капустиной являются еще более самостоятельными и по теме, и по композиции, и по образам, и лексике.

В отличие от Т. И. Капустиной, другая сказительница — казачка А. Л. Зайцева — больше придерживается текста старинных произведений. Но ее сказка-легенда «Разрядилась Москва белокаменная» является поэтически самостоятельной.

Прозаический жанр представлен, главным образом, И. В. Господаревым. Он создает сказки-легенды на современные темы. Он знает также много преданий об Игнате Некрасове, которые рассказывает с большой любовью и уважением к этому вождю, выдвинутому народной массой.

* * *

В период Великой Отечественной войны все мысли, вся воля советского народа были направлены на разгром ненавистного врага, запятнавшего себя кровью невинных жертв, насилиями и грабежами.

Создавая свои произведения, некрасовцы для характеристики немецких захватчиков нередко обращались к старым былинным образам народной поэзии, именуя врага «Идолищем поганым», «Змеем Горынычем», «Змеем Тугариновым» и т. д. Но злодейства немецких разбойников были так велики, что, казалось некрасовцам, эти образы недостаточно ярки, в известной мере уже устарели. Поэтому некрасовцы в своих произведениях прибегают к сильным эпитетам и проклятьям, например, «Будь ты тысячу трижды проклят, Гитлер!»

Пламенной ненавистью дышат строки, в которых повествуется о враге:

«Разорил он наши дома все счастливые,
Засиротил нашу сторонушку советскую
Да напоил нашу землю кровью христианскою...»

Сердечной любовью к избранникам народным — депутатам районного совета и, одновременно, непримиримой ненавистью к врагу проникнут плач, сложенный М. С. Рабаниной. С большой теплотой передает она чувство горести некрасовцев, когда немцы отвели в тюрьму арестованных депутатов:

«Как остались мы, люди добрые, сиротами
Да все сиротинушками одинешенькими».

Подлые изверги рассчитывали устрашить народ свирепой расправой над депутатами, но они жестоко обманулись в своих расчетах, — не страх, а лютую ненависть к себе вызвали они:

«А как били же они вас плетками
Да все плетками ременными с железяками,
Пораздувались ваши телы белаи
Да все кровавыми же подтеками.
Поразбужались наши души христианскаи
Лютой злобой на врагов-извергов».

В дни суровых испытаний, в дни кошмарных жестокостей, чинимых немцами на оккупированной ими территории, все мысли и надежды народа были связаны с образом нашего великого вождя — товарища Сталина. К нему, как к родному и лучшему другу, и к руководимой им Красной Армии и обращается народ в плаче, созданном Т. И. Капустиной:

«Ты восстань, родный батюшка-Сталин,
Собери же ты наших детушек,
Собери стариков наших славных,
Собери вдов и сирот наших,
Да пошли соколов наших,
Да разбейте злого ворога,
Да разгромите немчугу проклятого
Со всем гнездом ворониным!»

Широта русской материнской любви прекрасно выражена в песне, сложенной Т. И. Капустиной «Кабы мне крылушки». Автору этой песни хочется полететь вольной пташкой к нашим воинам, излечить их раны, уберечь от несчастья, благословить их «бойные головушки», утешить ласковым словом.

По существу, чувством реальности, советской действительности проникнута сказка «Как девка на войну ходила». В этой сказке подчеркнута большая и почетная роль советской девушки в борьбе за свободу и независимость нашей родины.

Один из любимых образов старшего поколения некрасовцев — образ Игната Некрасова — творчески переосмыслен в их фольклоре. В условиях Отечественной войны он «воскресает» и, как русский человек, свято выполняет свой патриотический долг, защищая родину от вражеского нашествия. Возможно, в образе И. Некрасова автор Господарев (сказка «Игнат помогает Красному войску») имел в виду воплотить образ тех некрасовцев, которые дружно встали на защиту родины и свершили в рядах Красной Армии славный, доблестный путь.

Суровую, заслуженную кару понесли немецкие захватчики, дерзнувшие посягнуть на нашу священную землю. Радостным эхом по всей нашей земле, по всем свободолюбивым странам про-

катилась весть о победе. Поверженным в прах лежит логовище врага — Берлин, а «Красавица Москва белокаменная высоко себе стоит да далеко смотрит»...

* * *

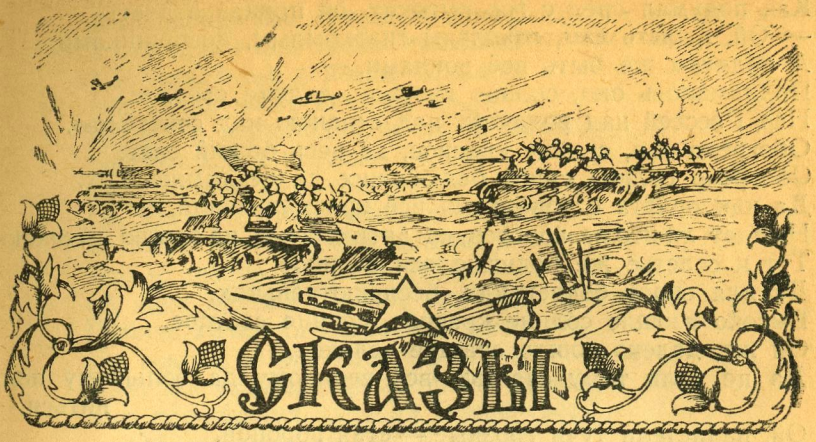
Самое видное место в устной поэзии некрасовцев на темы Отечественной войны отведено образам Ленина и Сталина. Это вполне понятно, так как под знаменем Ленина, с именем Сталина на устах шли в жестокие бои и побеждали врага советские люди.

В сознании некрасовцев Ленин — сын народа, выразитель народных чаяний, творец свободной, счастливой жизни, богатырь, искоренивший неправду и несправедливость, свойственные общественному строю дореволюционной России. Неразрывно связанный с народом, он и в тяжелые для родины дни возвратился из чудесной страны и помог своему брату — Сталину — нанести сокрушающий удар по врагу.

Говоря о Ленине, некрасовцы не могут не говорить о Сталине. Эти два образа обычно неразрывны в народном сознании. Сталин в поэзии некрасовцев величается «орлом с гор высоких», «родным батюшкой», «светом-сударем» и т. д. Самые ласковые, сердечные эпитеты, сравнения, метафоры сочетаются у некрасовцев с образами Ленина и Сталина.

И в этом сказывается великая благодарность народа тем, кто дал нам счастливую, свободную жизнь, сделал нас полноправными гражданами своей родины, обеспечил ей мощь и процветание, защитил ее в годину грозных испытаний.

Ф. В. ТУМИЛЕВИЧ



1. ПРО СВЕТ-СУДАРЯ ИОСИФА

Выкатилось оно же, солнце красное,
Да солнце красное, солнце светлое,
Ой, над Рассеей да над великаю.
Вылетел же тут орел, а он сильнай
Да орел сильнай, всё с гор высоких.
Споднималися за орлом-то сильнаим
Ой, да они же орлята все могучаи,
А за орлятами сподымалися ясные соколы.
Ой, куда же он, орел сильнай, направляется?
Да куда же летят они, орлята могучаи?
Ой, куда же держат путь ясные соколы?
А летит-то орел сильнай к Москве белокаменной,
А орлята летят да в след же сильному,
А соколья держат путь — все за орлятами.
Прилетал же орел-то с гор высоких,
Да с гор высоких, поднебесных, к белокаменной.
Ой, да садился он же во Кремле-то городе,
А кругом его садились орлята с сокольями сизокрылыми.
Ой же, думу думал он, орел с гор высоких,
Да всё про наше житье-бытье, счастье.

Как подумал орел с гор высоких, он приказ отдает:
— Ой, и быть вам, сокольям сизокрылым, дозорщиками,
А орлятам же быть всё воинами. —
Поднималось оно, солнце красное, солнце светлое,
Над Рассеей над великою, над страною над советскою.
Обогрело оно, солнце красное, да весь божий свет.
Обогрело солнце сирот бедненьких да бездомненьких.
Да как орлята с сокольями всё присматривали, —
Не идет ли кто из ворогов, из антихристов, на землю русскаю.
Тут и счастье же поднималося великое
Да для сирот бедненьких, бесприютненьких.
Высоко взошло солнце красное, солнце светлое,
Ой же, далеко пошло счастье великое,
Да не дали тому счастью всё великому да большому полниться.
Ой, надлетели тучи грозные — стая воронов,
Ой, да стая воронов — немчуга проклятая,
Поклевали они телу белую — Рассею матушку.
Тут поднялся же он, орел сильнай со орлятами,
Да поднялся же он с сокольями поднебесными.
На ту стаю воронов — немчугу проклятую,
Пощипал же он им крылья воронинаи,
Да оторвал же он им вражьи головы по самые плечи.
Ой да, и кто ж-то он, орел сильнай с гор?
Ой да, и кто ж-то это а он, добрый молодец,
Да и кто ж-то его, доброго молодца, воспородил?
Как и личушко у добра-молодца снегу белого,
А румянец у добра-молодца, будто маков цвет,
А и бровьюшки у добра-молодца, они соболинаи,
А и глазушки у добра-молодца, они соколинаи!
Ой да, и кто ж его, добра-молодца, воспородил?
Ой, воспородила его, добра-молодца, гора высокая,
А вспоила-вскормила добра-молодца земля русская,
А взлелеяли добра-молодца солнце с месяцем,
А и вынянчили добра-молодца звезды частые,
Да ой того же добра-молодца, а все сударя,
А ведь сударя да все ж свет-Сталина.

15-IX 1944 г.

2. КАК ПОШЕЛ ИОСИФ-СВЕТ

Как пошел он, да Иосиф-свет,
А Иосиф-свет да ведь на собрание.
Да отколь взялись они, тучи грозные?

Воспролили они дожди сильные,
Возгремели они громы громкие!
Как упала же к ногам Сталина,
Ой, упала весть нерадостна,
Да весть нерадостна, весть печальная:
«Надвигается силушка черная,
Сила немецкая-треисподняя».
Он взял же ту весточку да почитал,
А в ней же было все написано,
Все написано да напечатано:
«А идет же под Москву силушка коварная,
Побить хочет да погромить хочет
Да всю-то землю советскую.
Идет же силушка не лист, не трава»[1]
Как прокликнул клич да Иосиф-свет:
— Ой, вы люди, люди вы добрые,
Ой, вы сестры, да братья родные,
Да и кто ж пойдет воевать,
Воевать пойдет да за души малые,
За души малые, за души старые?
Идет, идет на нас сила черная,
Хочет побить, погромить жизнь советскую,
Жизнь советскую, волю-вольную.—
Как стоят, стоят орлы-воины,
Орлы-воины — племя Сталина:
— А и мы встанем за души малые,
А и мы встанем за души старые.
Ой, и дай ты нам оружье невладанное[2]
Да и дай нам копья острые,
Ой, и дай нам танки могучие!
Мы пойдем, пойдем на силу немецкую,
Мы побьем, побьем силу вражию,
Мы очистим землю русскую. —
Как пошли да наши красны воины,
Надлетели самолеты грозные
И пошли танки быстрые,
Застреляли ружья частые,
Да запалили автоматы новые,
Как начали косить силу вражию
Да полилась кровь немецкая,
Кровь немецкая, она бусурманская.
Расступись да ты, сыра-земля,

---

[1] В смысле — очень много. [2] Новое, не бывшее в употреблении.

Ты пожри, поешь кровь немецкую,
Кровь немецкую, всё бусурманскую,
Чтобы можно перейти красным воинам,
Да дойти до земли немецкой
Да побить, погромить врага-Гитлера.
Расступилась земля-матушка,
Пожрала, попила кровь немецкую,
Кровь немецкую да бусурманскую.
Тут идут, идут наши воины по Неметчине,
И бьют, громят силу немецкую,
И скоро дойдут наши воины
До гнезда змеиного, до Берлина черного,
И срубят ему, Змею Тугарину, голову,
Змею Тугарину-Гитлеру кровожадному
И вернутся скоро наши воины,
Наши воины, наши соколы.
Расцветет земля наша русская
Да расцветет же земля советская.
Зацветут цветы алые, маки красные,
Как вернутся наши воины,
Орлы сильнаи, поднебесные!
И вернутся они со победою великою
Со наградою да с славою.

24-IX 1944 г.

3. РАССТУПИСЬ ТЫ, МАТЬ-ЗЕМЛЯ РУССКАЯ

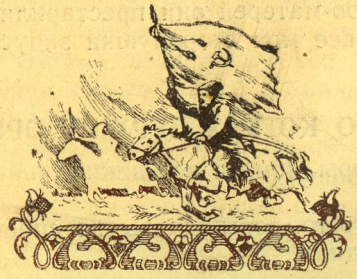
Надходили они, тучи грознаи, а они, тучи темнаи,
Надвисали они, тучи-те, над землею русскою,
Закрывали они, тучи холоднаи, да наш божий свет,
Закрывали они, тучи чернаи, красное солнце.
Да как и пала ведь на мать-землю русскую,
А и пала она, роса да студеная, всё холодная,
А и пала она на поля да на сады зеленаи.
Осыпалась она, пшеничушка, по чисту-полю,
Высыхали они, садочки зеленаи да всё кудряваи.
Опускала она, березушка, листушки со ветками.
Преклонялась она, травушка шелковая,
Преклонимшась, травушка, она вся пожелкнула [1].
Как разгулялись они по полю широкому
Да ветры суховейнаи, суховейнаи, ветры огненнаи.

---

[1] Пожелтела.

Как попалили-пожгли ветры огненнаи,
Ой да, землю русскаю, землю советскаю.
Да то не тучи грознаи и не тучи сильнаи,
Ой, не тучи сераи над землею русскаю надвигалися,
То не тучи чернаи да наш божий свет замстили,
Да то не тучи грознаи красное солнце закрывали, —
Надлетали они, звери лютые, кроваваи,
Надвисали они, стая черных воронов.
Поедали они телу белаю, телу молодецкаю
Да попивали они кровьюшку все невиннаю,
Закрывали они солнце красное, злые вороны.
Как и пала на землю русскаю война лютая,
Не росою она пала студенаю, а слезьми пала кровавыми,
Как разгулялась стая воронов по полю широкому,
Ой, да разгулялись они, гости черные, незваннаи,
Они, гости незваннаи, гости да непрошаннаи,
А все разбойники они, нехристи немецкие.
Попалили-сожгли они землю русскаю
Да напоили они землю кровью русскаю,
А накормили они ее телами молодецкими.
Ой вы, звери-нехристи немецкие, и на вас придет лютый час...
Ой да, как пришла-то пора да он пришел час,
Разогнало солнце красное тучи серые, тучи черные.
Как и встал он, орел сизокрылай, орел сильнай с гор высоких,
А он встал на резвы ноги, наш родный батюшка,
Родный батюшка Иосиф-свет, со своими детками,
Да надлетел же он на стаю черных воронов.
Надлетемша, он побил, покрошил стаю воронов.
— Расступись же ты, мать-земля русская,
Поглоти-поешь ты силу черную, силу немецкую!

27-VIII 1944 г.



4. МАТЬ-ЗЕЛЕНАЯ ДУБРОВУШКА [1]

Ой да, мать-зеленая дубровушка,
Она, мать-дубровушка зашумела,
Ой да, сверху листушки сопадали,
Ой, они мать-сыру землю укрывали,
Ой, мать-сыра земля застонала.
Ой да, о чем же она застонала?
— Ой да, как же мне не стонати?
Ой, по мне же идут все вороги,
Ой да, все вороги, они немецкие,
Ой, они идут да меня топчут,
Меня топчут да огнем палят.
Ой да, засиротили они малых детушек
Да завдовили молодых молодушек,
Да отцов-матерей они престарили,
Ой да, все мои сторонушки запустели...

17-IX 1944 г.

5. ВО КОГТЯХ ДЕРЖИТ ОРЕЛ

Ой, вы горы мои да все дикия,
Дикия.
Ой, ничего-то, горы, да вы не спородили,
Не спородили.

[1] Кроме первой и последней, все остальные строчки повторяются.

Ай, спородили, горы, да бел-горюч-камень,
Горюч-камень.
Не с под камушка было да не с под белого,
Белого.
Ай, с под кустичка было да чист-ракитова,
Чист-ракитова.
Ой, там-то текла речка, она, речка быстрая,
Быстрая.
Ой, на ракитовом же кусту, а он же сидит,
Сидит,
Ой, а он-то сидит да стар-сизой орел,
Орел.
Ой же, он во когтях-то держит ворона,
Ворона.
Ой, он держит во когтях черна-ворона,
Черна-ворона.
Ой да черна-ворона да ведь немца-ворога,
Немца-ворога.
Да пустил он перья ворона по синю-морю,
По синю-морю,
А мелкий пух да всё по чисту-полю,
По чисту-полю.

29-XII 1944 г.

6. Я ПУЩУ СТРЕЛУ [1]

Я пущу стрелу по всему миру.
Ты лети, стрела, стрела быстрая.
Ты лети, стрела, огневой молоньей,
Прилети, стрела, да во Германию,
Во Германию, во Берлин-город.
Ты убей, стрела, злого Гитлера.
Как по Гитлеру плакать некому,
Помянуть добром никто не сыщется,
Проклинать будем целым светом!

29-XIII 1944 г.

---

[1] Кроме первой и последней строчек, все остальные повторяются.

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Інв. № 296621
2487

7. КАБЫ МНЕ КРЫЛУШКИ [1]

Ой, да кабы мне бы крылушки, —
Я тогда бы полетела
Да вольной же пташечкой
Да ведь к малым детушкам,
Ой, да к малым детушкам на позицию,
Да припала бы своим личушком,
Ой, всё ж ко их больным ранушкам
И припала бы к их сердечушкам.
А я же выплакала бы усю горю-горькую,
А я вымолила бы им же здоровьица
Да обогрела бы их всех, родных,
Ой, родных-сердовых [2] от несчастьица,
Да от несчастьица да злого врага...

25-VIII 1944 г.

8. НАЗАД ВОРОТИЛА КРАСНА АРМИЯ

Из-под яру было, яру всё высокого,
Из-под камушка было, из-под белого,
Да из-под кустичка было ракитова,
Там да пролегивала степь-дорожунька.
Шириною она была, дорожунька, неширокая —
Долиною она конца-краю ей нет.
Ой, и шли-то, прошли да по той дорожуньке,
Они же всё красные девочки подневольнаи,
А бойны головы у них склокотаннаи [3]
Да и косы русаи у них все пообрезаннаи,
А на бойных головушках тернов венец,
А во глазушках же горе-горькое,
А на глазушках занавесочки земчужнаи.
Как за девочками всё погонь гонют,
Всё погонь гонют да немчуги проклятаи,
Да немчуги проклятаи, — племя иродов.
Они погонь-то гонят да всё речи говорят:
— Мы догоним же красных девочек,
Красных девочек до самой Германии.
А и быть же им во неволюшке горькой
Да ублажать-то наших жен со стариками. —
Гнали, гнали немчуги, да не догнали.

---

[1] Кроме первой и последней строчек, все остальные повторяются.
[2] Сердовые — среднего возраста, служивые. [3] Склокотаннаи — всклокоченные.

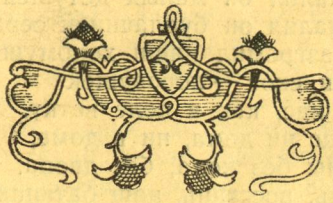
Не догнамша, сами они становилися,
Они промежду собой речи говорили:
— Не догнали мы да красных девочек,
Не пригнали мы красных во Германию. —
Не догнала немчуга до Германии, —
Красных девочек да назад воротила,
Назад воротила Красна Армия.

20-IV 1944 г.

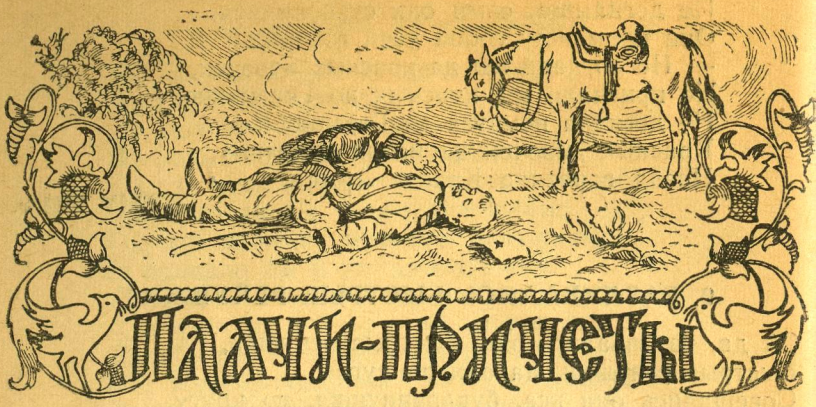
9. РАЗЛИВАЛИСЬ БЫСТРЫЕ РЕЧУШКИ[1]

Ой да, разливались они, быстрые речушки,
Быстрые речушки, да они по лугам.
Совещались они все, бурлачинушки, во кругу.
Ой да, они думали думу да все крепкую,
Ой да, думу крепкую, братцы, свою:
— Ой, и кто ж то из нас домонь[2] пойдет?
Да и кто ж, братцы, поклон понесет?
Ой да, понесет поклон жене молодой.
— Никто ж-то не понесет поклона нашим женушкам,
Ой да, а мы сами понесем домонь весточку,
Да домонь весточку во счастливый день, —
Как возьмем, братцы, Берлин-город,
Да как возьмем мы немчуру во полон,
Да со победою мы домонь явимся,
Принесем женам мы себя, добры молодцы.

3-X 1944 г.



[1] Кроме первой и последней строк, все остальные повторяются.
[2] Домонь — домой.



10. БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ, ГИТЛЕР

Чадушки мои милые,
Светики мои родные!..
Отколь взялся огонь палючий,
Огонь палючий — немец проклятый?
Пожег, попалил он жен, стариков,
Пожег, попалил он малых детушек,
Пожег, попалил он бурлачинок сердовых [1],
Разорил, разгромил наши хоромушки,
Забрал наш скот — коровушек
И оставил нас, как в поле ветку.
Нет-то у нас ни дома, ни в доме,
Остались мы без кола, без двора.
Ты восстань, восстань, наш батюшка,
Ты восстань, родный батюшка Сталин!
Собери же ты наших детушек,
Собери стариков наших славных,
Собери же вдов и сирот наших
Да пошли соколов наших,
Соколов славных, соколов храбрых!

---

[1] Бурлачинок сердовых — мужчин служилого возраста.

Да разбейте злого ворога,
Да разгромите немчугу проклятаю
Со всем его гнездом ворониным.
Ощипите с него, черна ворона,
Черна ворона его перья,
Да пустите их по морю чернаму,
Да пустите мелкай пух по чисту-полю,
Чтобы ветры бойные разнесли,
Разнесли той пух вороний
И праху же его чтоб не было.
Заклинаем же немчугу проклятого,
Заклинаем проклятьями великими
За наших сирот и калек.
Кожедёр проклятый,
Кровожадный Змей Тугаринин,
Антихрист с треисподни,
Будь ты проклят,
Будь ты проклят,
Будь ты проклят, Гитлер!

23-IX 1944 г.

11. ДА ВОТ ПОШЕЛ ЖЕ ОН, ВРАГ

Да вот пошел же он, враг, на Рассею-матушку,
Разорил он наши домы все счастливаи,
Засиротил нашу сторонушку советскую,
Да напоил нашу землю кровью христианскою,
Да побил наших детушек милых, бурлачинок ясных.
А пришел он, проклятый, да все с крестами:
На самолетах—кресты, на мундирах и шеях—кресты
А младенческие души загубил, сатана подземельная!
Как заплакали все малые дети и матеря,
Заплакали старики старые, да сироты малые
По всей земле русскай, земле праведнай.
Услышал он наше сердце, орел с гор высоких,
А он—Иосиф-свет, глас народа, глас правдивай.
Да собрал скоро-наскоро рать несметнаю,
Рать несметнаю да с казаками смелыми,
С казаками смелыми да с нашими сынами сильнами.
А и пошли они на того ворога нечистого,
На разорителя-немчугу проклятого, —
Будь он тысячу раз и трижды проклятый,
Пусть ему места не будет на страшном суде.

Враг он есть, враг он и будет, немчуга злодейская!
Кабы были мои дети да зятья дома,
Кабы были у всех матерей их соколики дома,
Жили бы мы при власти нашей да радовались
И знать бы ворога не знали, а горя не ведали.
Не пришел бы к нам, а мы-то не пошли бы к нему.
Он нужен нам, как ненастье в ясный день.
У нас самих было всего вдоволь, всего много...
Чады мои кровные, сыновья сердечные,
Бейте его, антихриста, до тех пор,
Чтобы прах его земля черная, земля немецкая пожрала!

23-IX 1944 г.

12. ДИТЯТКА МОЯ ПОЛОНЕННАЯ

Дитё ты моя, дитё моя родная,
Отлежала ты у меня на подушечках,
Открасовалася ты у меня, родная,
Отгулялась ты у меня, солнышко.
А теперь, моя дитятка ненаглядная,
А теперь, моя доченька, ты полоненная
Как пришли они, антихристы,
Да злые немчуги треисподние,
Ой, принесла их нелегкая во чужой дом,
Да во чужой дом да во чужой двор.
Как разбойники они лютые,
Позабрали у нас всю скотинушку.
Да видно мало было им нашей животинушки,
Они взяли и тебя с собою во далекий путь.
Так ты слушай, моя дитятка,
Да прислушайся к моему голосу,
Что я буду тебе же да наказывать,
Ой да, честью-лестью [1] приказывать:
— Ты не слушай этих ворогов,
Ты не слушай немчугу злодейную,
Тебя будут посылать, а ты, дитё, не иди,
Тебе скажут сделать, а ты, дитятка, не делай.
И будешь ты, родная, всем нам желанная,
Только ворогу не будь послушная-покорная
Во всякий час да во всякий день.
Будь ты русская — станешь вольная!..

1-VIII 1944 г.

---

[1] Лестью — в смысле любовно-материнского чувства.

13. ПЛАЧ О ДЕПУТАТАХ РАЙОННОГО СОВЕТА

Ой же, голубка моя родная, ты, Солушка[1]!
Ой, дочушка ты моя, всё сердечная,
Да солнышка моя, а ты всё ясная,
Да орлица ж моя, а ты поднебесная,
Да и была же ты у нас работящая,
И была же ты у нас всем желанная,
Всем желанная да ко всем приветливая.
А, бывало, пройдешь же ты по хутору,
Да проплывешь же ты по широкой улице,
Как лебедь белая по тихой речушке.
А и всем-то была радость — на тебя глядеть.
Да и каждый-то говорил: — «Вот наша некрасовка —
Депутат она районной власти нашей».
Ой же, и не дали тебе, Солушка, покрасоваться
Они, заразы немецкие, изверги проклятые,
Да вот надлетели они над лебедью белаю,
Все вороны немецкие, вороны чернаи,
Убить, истребить хотят тебя, ненагляднаю.
Повели же они тебя, мою доченьку,
Повели туда, откуда нет дорожуньки,
А с тобою повели нашего соколика ясного,
Да всё председателя Мокея Андреевича Сиротина.
Как остались мы, люди добрые, сиротами,
Да все сиротинушками одинешенькими.
А они, злые вороги-немчуги треисподние,
Да со своим Змеем Горынычем
Всё едят наших детушек, да не наедятся.
Разоряют нас, добрых людей, злые вороги.
Как сошлись они в круг, разбойники,
И набросились же на твою телу белую,
Как шакалки терзать тебя начали,
А с тобою нашего Мокеюшку Сиротина.
Как и били же они вас плетками,
Да все плетками ременными с железяками,
Пораздувались ваши телы белые
Да все кровавыми подтеками.
Поразбухались наши души христианские
Лютой злобою на врагов — извергов.
Мало было им вашей кровушки невинной,
Им повесить вас захотелося.
Будьте прокляты матеря, спородившие змеев лютых!

---

[1] Депутат райсовета Соломонида Чеботарева.

Ох, изойдите ж вы все кровью черною,
Кровью черною, немчуги ненавистные!
Вы вернитесь, наши соколы сизокрылаи,
Вы вернитесь, наши воины любимаи,
Порубайте змею со змеенышами головы,
Чтобы не ползали они по земле нашей.
Да ты услышь, услышь, наш батюшка,
Родной батюшка Иосиф-свет:
Защити нас, сирот бедненьких, от ворогов лютых,
От злого антихриста окаянного.
Ты побей, погроми, наш батюшка
Со своими орлятами, то воронье поганое,
Воронье же поганое, немчугу злодейскую!

24-VIII 1944 г.

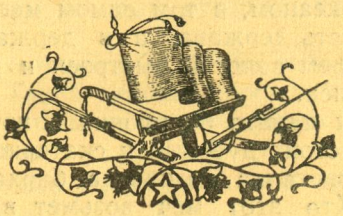
14. ПЛАЧ ПО СЫНУ-ВОИНУ

Петюшка, мой родный сыночек,
Солнушка [1] моя красная, солнушка ясная,
Месяц мой чистый, месяц ненагляднай,
Соколик мой сизый, орел поднебеснай!
Да ты, мой Петюшка, храбрый, деточка,
Да ты же первой-то был воин красный
И шел же ты на позиции впереди всех.
Да за тебя же, сыночек, я не боялася,
Да за тебя же, мой светик, радовалася,
Да за тебя же, орел поднебеснай, слыхала,
Слыхала, сыночек, приветствие командира [2].
А уж я обсказала о том приветствии хутарским,
Рассказала о том письме радостном, с твоего полку.
Уж я радовалася, письмо читаючи,
Уж я радовалася дорогой весточки да хорошай.
А тут пала весть нерадостна, весточка черная, —
Завяла моя белая розочка со всем корнем,
Подрубили тебя они, вороги злые:
Да не встанешь теперь, мой ненаглядный,
Ох, не промолвишь словечушка, как бывало,
Сына моя любезная, молодая, зеленая.
Не дали они тебе, злые вороги, месяц мой, пожить.
И мне, твоей матери, на тебя наглядеться.

[1] Некрасовцы существительные среднего рода произносят в женском роде. [2] Получила письмо, в котором выражалась благодарность командира части.

Ох, сыночек, сыночек! Жду от тебя я весточки.
Каждый день жду, а вестей нету, —
Знать, зарыт же ты на чужой сторонушке.
Да ты проснись, проснись, мой Петюшка,
Да послушай свою мать, что она скажет:
— Были бы у меня крылушки, полетела бы на могилку,
День и ночь, — каждую минуту летала бы над ней
Да все пела бы материнским голосом.
Ох! и дали бы мне золотые горы, разбросала бы их.
Ох! и дали бы мне горы камней разноцветных,
Да я не взглянула бы на них, Петюшка.
Ох! и дали бы мне все жизни немецкие — не взяла бы их!
Только тебя мне, мой светик лазоревый, надобно.
Да вот не дал тебе злодей расцвесть и распуститься.
Ох! враг зубатый погрыз-поел наших детушек.
Ох! оставил, как меня, многих матерей кукушками...
Да ты слушай меня, мой сыночек Петенька:
Я теперь всех бойцов, Петенька, приголубливаю.
Всех приголубливаю, да всех примолвливаю, —
А и в них же, мой сыночек, ты мне видишься,
А они для меня все сыночки ласковые,
А для них я теперь мать родная, мать желанная.

20-VIII 1944 г.



15. МЕЧ ПРАВДЫ

В тридесятом было царстве, в тридесятом было государстве. За морем-океаном, в том самом месте, где земля сходится с небом, есть держава, а в державе той — большой луг. На лугу терем золотой выстроен и разноцветными каменьями изукрашен.

В терему том палата из рубина и изумруда сделана. В палате той стол стоит дубовый и скатеркой белой понакрыт, а на скатерке подстилка из красна бархата, а на ней меч правды лежит. Кто этот меч возьмет в руки да поднимет его, тот может всю кривду на земле изничтожить да людей счастливыми сделать.

О державе, где терем золотой выстроен, люди давно знали: сколько живут они, столько и знают. Вот и стали люди мечтать: «Как бы в эту державу дойти да тот меч правды из терема взять и миру принести?»

Думали, думали люди, а охотников мало. Которые объявлялись, так не знали, где та держава находится, как попасть туда. Спрашивали у стариков, а старики-то гутарили [1], что есть такая держава, и терем в ней имеется, и палата рубиновая есть, и меч в ней на дубовом столе лежит, а как по-

[1] Гутарить — говорить.

пасть в ту державу — никто не знает. Только путь такой должен быть.

«Раз старики не знают, — думают охотники, — так где уж нам знать?»

Так с тем и жили люди. А кривда и лжа на миру с каждым днем все росла да росла. Те, кто лжой и кривдой жили, обижать пуще прежнего мир стали. Соберутся, бывало, по куткам-то разным старики, сердовые бурлаки да про ту державу гутарят, про меч правды речь держат.

Ну, гутарили, гутарили так-то вот один раз, а в это время к ним старик подошел. Поглядел он на всех и сказал:

— В ту державу путь есть, только куда как труден, и указать тот путь можно, да охотников не сыщется.

Сказал это старик, — ну, тут и пошел гомон. Старики гутарят, что нет такого человека, который путь бы знал, а сердовые бурлаки гутарят, что раз люди есть, то и охотники найдутся.

— Да как нет охотников! — кричит один бурлачинка. — Я — охотник!

Тут и пошли — тот кричит:

— Я пойду!

Другой кричит:

— Нет, я пойду!

Ну, старик-то, который гутарил, что путь есть, сказал тут:

— Может, охотники и будут на такое дело, да не каждый его исполнит. Такой человек нужен, чтобы он чист кругом был, чтобы в жизнь никого не обижал и не обманывал да чтоб смелым был.

Не понравились эти речи одному бурлаку. Он тут и сказал:

— Есть такой человек. Это — я.

Старик посмотрел на парня. Сказать-то ничего не сказал, а только головой покачал. А парень грудью к старику пошел:

— Я ничего не боюсь и обижать никого не обижал. Я пойду.

— Иди, сын, — гутарит старик-то, — иди, светик, хотя не исполнишь, да почин дорог.

Достал старик из-за пазухи ширинку[1] и дал тому парню, а сам сказал:

— Иди, светик, до полдня на восток. Дойдешь, горы бу-

[1] Ширинка — полотенце.

дут, лес, а там зверья и гада разного много. Если выдержишь, пройдешь. Как минуешь горы, дальше иди. Придешь к морю, брось ширинку на воду. Как посуху пройдешь, а потом иди по прогону[1]. Он приведет тебя к стене каменной. Стена высокая, но ты перелезь через нее. Перелезешь, а там опять прогон и прямехонько приведет он тебя в ту державу, где золотой терем построен, а в том терему и найдешь меч правды.

Взял парень ширинку и ушел. Шел, шел, дошел до гор. Прошел горы, добрался до моря и море перешел, а потом до стены той дошел. Кругом стены песчаное море, людей нет, воды нет. Один песок да ветер гуляет. День пробыл парень, другой и третий. Песок ноги палит, а ветер тело сушит. Еще три дня ходил под стеной, а потом упал. Долго лежал, пока не высох. Как высох, ветер подхватил его и носит теперь прах его по всему свету.

Мир ждал, ждал парня, а он так и не пришел. Ну, прошло там сколько-то время, еще двое отыскалось охотников, да только и они в песчаном море пропали. И потом много ходило охотников в ту державу, только все они погибли: кто в море потонул, кого звери загубили, кто с гор в пропасть упал. Так вот никто и не дошел до той державы. А люди живут да все о той державе мечтают.

Вот сидят раз в кругу старики, а с ними и тот старичок. Ну, сидят это они, а к ним бурлак подошел. Смелый бурлак, статный, глаза — молонья настоящая да и обращается к старикам-то увежливо:

— Не знает ли кто путь в державу, где меч правды находится?

— Я знаю, бурлачинка, путь в ту державу, — ответ держит старик.

— Скажи мне, отец родной.

Старик все рассказал, чин-чином, и дал ему ширинку да слово незнаемое поведал:

— Иди, сын мой. Когда нужно что сделать, — вдарься о землю: орлом станешь.

Поклонился старикам бурлачинка и пошел. Идет он день, другой и третий. Доходит до гор, а ему навстречу звери разные, птицы. Идет он, а они дорогу ему дают и смотрят ласково. Смотрят на него, а сами промежду собой гутарят:

— За правдой идет. Путь-дорога ему. Охранять его надобно.

---

[1] Прогон — дорога.

Лев крикнул резко[1] так, что все звери попадали, — приказ дал:

— Идите к орлу, кличьте его.

Кликнули орла. Лев гутарит:

— Надо ласточку дать в провожатые бурлаку. А когда спать он будет, чтоб стерегла его да от беды упреждала.

Летит ласточка, а за нею бурлак идет. День идет, другой, третий, а ласточка все впереди летит. Вот бурлак и думает: «Наверно мне дорогу кажет. Дай испытаю». Ну, и пошел в другую сторону. Шел, шел и пришел к болоту невылазному. Глядит, а ласточка кружится над ним. То отлетит от него, то опять подлетит. Пошел парень за ней. Идет так-то. Долго ли, коротко ли шел да и устал. Присел он и не заметил, как заснул. Спит бурлачинка, а ласточка знай себе летает да летает. А скоро и сам лев пришел. Спал бурлачинка богатырским сном три дня. Выспался, встал это он, а лев убег.

Глядит он на ласточку. Полетела она — и он пошел. Шел, шел и дошел до стены каменной. Вдарился о землю и орлом стал. Перелетел стену, опять о землю вдарился и человеком стал и путь держит дальше. Шел, шел и дошел до места, где небо с землей сходится. Перешел границу, смотрит на державу и диву дается. Красота в державе невиданная. Луг такой большой, конца-краю не видать, а посередине луга терем золотой стоит, на солнце блестит.

Поглядел он на эту красоту и к терему пошел. Подошел к дверям, а они сами открылись. Вошел он в терем, идет. Одну палату прошел. Открылась дверь — он и другую прошел. Открылась дверь — он и третью прошел. Открылась еще дверь — бурлачинка глядит и видит: в той палате стол дубовый посреди стоит, накрыт белой скатертью, на скатерти красный бархат лежит, а на нем меч правды.

Подошел он к столу. Глядит на меч правды, а на нем написано-напечатано: «Владеть мною тот будет, у кого сердце твердое и чистое, кто никого в жизни безвинно не обижал». Прочитал написанное и руку к мечу протянул. Притронулся, меч лежит, а кругом тихо. Берет он это меч, тот не шелохнется — и опять кругом тихо. Потом одной рукой стал поднимать, а меч-то легкий, как перышко от малой птахи. Держит он это меч и дивуется. Постоял он и пошел. Вышел из терема, дошел до границы, перешел, а его ласточка ждет. Увидала она бурлачину и полетела, а он — за нею следом.

Дошел он до гор, все звери, птицы гутарят:

---

[1] Резко — громко.

— Несет! Несет! Несет! Путь-дорогу! Путь-дорогу! Путь-дорогу бурлачинке! — Тут и ласточка скрылась.

Вышел на прогон и к миру путь держит. Пришел он — старик тот встретил его. Поднял меч бурлачинка, вдарил им по земле, огонь пошел, молонья засверкала, тысячи стрел огневых разлетелись. Как увидят стрелы кривду, али обидчика мира, то и бьют. Изничтожил он зло в государстве, и люди стали жить в правде да в дружбе.

Жил он, жил, вот и пришел час уходить ему из мира, он и ушел в ту державу. А когда уходил тот человек — люди Лениным его звали, — меч правды отдал своему брату Иосифу.

Как ушел он, мир-то с Иосифом стал жить. Да недолго спокойно, счастливо жили. Позавидовали этой жизни злые люди другой державы, — немчугой они прозываются. Вот эта немчуга и пошла на землю русскую войной. Идут это ихние войска да разоряют города и села и землю топчат. До Москвы и Волги дошли. Стоит брат Ленина Иосиф с мечом правды и изничтожает немчугу, а мир ему помогает. Бился, бился он, а враг черной тучей все идет и идет. Тяжко было, всё ж все одно думали: победим. В это время как вдарила молонья, — Ленин пришел. Погнало войско красное врага. Ленин-то вдарился о сырую землю, обернулся орлом и полетел на запад.

Летит орел, а от него не отстает брат его Иосиф. По-богатырски всё вперед, вперед шагает, меч правды в руке держит, а за ними все войско красное. Как придут в Берлин, до конца зло изничтожат. А орел-то обратно в свою державу улетит.

23-XII 1944 г.

16. СЫН СОЛНЦА И ЛУНЫ

Было это в небесном царстве, в небесном государстве. Жила там красавица девица-Луна, красоты неописанной, невиданной. Такой красоты, что темная ночь от сияния лица ее светлой делалась. Вот и заглядывались все на эту девицу-Луну. Звезды частые, меньшие ее сестры, — и те завидовали ей. А когда она появлялася на небе, мир спокойно жил.

Вот раз замечталася Луна о добром молодце — Красном Солнце да и загулялася до белого дня. Идет она и думает: «Слыхала я о красоте Солнца да о доброте его, что всем светит да греет всех. Полюбился он мне, а видеть его не ви-

дела. Я ухожу с неба, — он приходит. Только и вижу след его, когда прячется за землю, а за ним я выхожу».

Идет она, а навстречу ей Заря Утренняя, сестра солнцева родная да и гутарит:

— Здравствуй, подруга моя светлая!

— Здравствуй, сестра солнцева!

Сказала это Луна да и остановилась. Смотрит на кумачовый сарафан Зари и молчит. А Заря спрашивает:

— Что же, красавица, поздно загулялася? Мне и то уходить с неба надобно, брат идет следом.

Тут Луна гутарит:

— Забылась я. Ночь-то была малая, не успела.

Заря-то все глядит на подругу да глядит, а потом молвит:

— Давно тебя, подруга светлая, чтой-то не встречала. Выйду на небо, а твой след уже простыл. А мне уж так надо с тобой погутарить! Брат мой все справлялся о тебе, выпытывал, а сказать ему мне нечего, — сама с тобой редко вижусь. Да вот он сам следом идет. Ну, прощевай.

Поликовались[1] они да и разошлись. Заря скрылась, а Луна посереди неба осталась. Постояла она немного да и пошла. Идет, думает: «Какая Заря хорошая, такая ласковая!» А навстречу Солнце поднялся, Луна-то дорогу не успела дать ему. Вот и встретились они. Солнце гутарит:

— Здравствуй, Луна.

Она отвечает:

— Здравствуй, Солнце Красное.

Поздоровались они, вот Солнце и гутарит:

— След твой видал, от сестры о тебе слыхал, а вот свидеться не приходилось. Теперь-то уж я нагляжусь на тебя. Не пущу, — так со мной будешь ходить весь день по небу.

Взял он ее за руку и пошли они вместе. Гуляли целый день, а люди глядели на них и дивились: «Высоко Луна ходит и всё вслед за Солнцем, а ведь давно пора ей уходить». Мир долго помнил этот день-то и гутарил, что это знаменье хорошее, а к чему оно — никто не знал.

Вот прошло сколько-то время, Луна нашла[2] сына. Растет он не по дням, а по часам. Пришло время, когда он уже сам мог по себе жить. Тогда взяла она его за руку и повела по небу. Шли они, шли и дошли до середины неба, остановились насупротив гор кавказских. Смотрит Луна на землю и сыну гутарит:

---

[1] Поликовались — поцеловались. [2] Нашла — здесь в смысле «родила».

— Смотри, сын, да примечай всё, как люди-то живут.

Смотрит сын на землю и диву дается: ходят люди по каким-то клеткам каменным, грязные, бледные и что-то делают. Мать-то опять гутарит:

— Погляди-ка на тот вон большой дом.

Поглядел он, а в том дому музыка играет, люди разодетые, на всех шелк и бархат. Кушают, пляшут, веселяться. Луна и спрашивает сына:

— Видел, сынок?

— Видел, мама.

— А теперича гляди, как вон мужики ночью землю пашут. Все они работают день и ночь на тех чистых людей. Да вот только этому конец пришел, — явился в мир человек, вызволение миру дает. А ты к нему пойдешь. Помогать будешь. На небе днем твой отец светит и греет мир, а я ночью свет даю, а тебе, сын, надо на землю идти. Когда на земле будешь, помни, как возраст тебе наступит, пойдешь из гор в большой город, того человека разыщешь — Владимиром звать его. Найдешь, он задание тебе даст — звезду отнять у царя змей. Смотри, сын, береги ту звезду.

Сказала это Луна и опустила сына на горы. Живет он в горах год, другой и третий, а тут и пора наступила. Вырос сын Солнца и Луны, стал ходить по разным селам и станицам, а там и в город большой направился. Пришел это он туда, отыскал свет-Владимира. А он, свет-Владимир-то, кликнул клич по миру и собрались к нему разные люди и он гутарить им стал:

— В некотором царстве, в некотором государстве живет змей. У него три головы. На середней голове звезда, и палит он той звездой всех людей, истребляет их. Кто из вас пойдет и отнимет звезду у того царя змей?

Много было охотников отнять звезду, только не смогли они этого сделать. Многие ходили за той звездой, да погибли, а другие ни с чем воротились. Как кликнул клич Владимир-свет, тут-то сын Солнца и Луны сказал:

— Я, Владимир-свет, собью звезду у царя змей и доставлю ее.

Подозвал Владимир-свет сына Солнца и Луны к себе да и гутарит ему:

— Гляди, бери в путь-дорогу что тебе понадобится. Собьешь звезду, спрячь ее в сумку, а то проснутся змеи, увидят свет да в погоню бросятся. Найдут по тому свету тебя. Возьми ковер-летунок: пригодится, когда уходить будешь из логова змеиного.

Напоследок поликовались они. Владимир-то свет доброе слово молвил, чтобы невредим был сын Солнца и Луны.

Пошел, значит, сын Солнца и Луны в змеиное государство. Шел, шел и дошел до границы. Перешел границу и идет по змеиному царству, а сам на небо смотрит, время замечает. Идет это он по лесу и слышит гуд. Змеи летят. Закопался сын Солнца и Луны в листья и лежит. Пролетели змеи, спустились в овраг. Подождал он и слышит, что они угомонились. Тогда встал он и пошел. Приходит в овраг, видит, змеи спят. Видимо-невидимо их там и все заснули.

Долго пробирался он по змеям и подошел к царю змей. Лежал тот в окружении тридцати змей двуголовых. Потрогал сын Солнца и Луны звезду, а она на одной чешуйке держится. Начал ее отрывать. Отрывает потихоньку, а сам глядит на звезды, время примечает. Сначала звезду-то потихоньку рвал, а она не поддавалась ему, тогда, значит, он решил посильнее дернуть. Как дернул звезду-то, так и оторвал. Оторвал и побег резко. Бежит по змеям, а они не шелохнутся — спят. Бежит, а сам на звезды глядит. Время-то уже к концу идет. Только прибег в лес, а змеи опрокинулись[1] и гуд пошел. Сел он на ковер-летунок и полетел. Летит на ковре-летунке, звезду держит в руках, а она так резко светит, что и змеи увидали.

Опрокинулись змеи-то. Глядит ихний царь, а кругом темно, звезды-то нет. Как крикнул царь змей на все свое государство, аж земля задрожала и стража его с ног попадала:

— Догнать его!

Поднялась стража—тридцать змей двуголовых—и полетела за сыном Солнца и Луны. Услышал он гуд за собою да и вспомнил наказ Владимира-света, чтоб звезду-то в сумку спрятать. Открыл сумку и спрятал ее. Свет-то пропал. Змеи увидали, что свет пропал, и гутарят:

— Раз свет пропал, значит на месте он, похититель звезды, в лесу схоронился.

Ищут они его по лесу, хвостами яростно бьют по земле, под деревьями рыщут, а найти не могут. Где ж его найдешь! Улетел он.

Прилетел сын Солнца и Луны и прямо к Владимиру. Свет-Владимир встретил его да и гутарит:

— Теперича мастеров найти надо. Возьмут мастера звезду в золотую оправу и повесим тогда ее над нашим городом.

---

[1] Опрокинулись — проснулись.

Пускай она палит всех змей и свет дает миру. А ты моим помощником будешь. Как звать-то тебя?

— Иосифом зовут.

— Ну, вот, Иосиф, охранять звезду надобно. Украдут ее, — значит, темная ночь настанет для нашего мира. Береги ее.

Нашли мастеров, оправили звезду в золотую оправу и повесили ее над Москвой белокаменной. Светит она и палит всех змей, так всех и попалила в том государстве.

Жили, жили свет-Владимир с Иосифом и пришло время уходить Владимиру. Вот он и гутарит:

— Ухожу я, Иосиф. Гляди, береги звезду.

Сказал он и ушел, умер, значит.

Остался Иосиф-свет с миром. Люди работают, учатся, строят, никого не трогают и живут счастливо. Так бы вот и жить людям, да другому царю змей, соседнего государства, завидно стало, не взлюбил он этих людей и гутарит своим змеенышам:

— Звезду в Москве снять надо. Не отымем, — звезда спалит нас.

Ну, сказал так тот царь змей и собираться со змеенышами стал. Поднялось государство змей, взлетели под облака, налетели черной тучей на счастливую землю. Летят и огнем все палят, хоботами бьют, к Москве приближаются. Стон по земле пошел. Змеи, знай себе, все ближе и ближе подступают. Тут Иосиф-свет кликнул клич:

— Люди добрые, змей со змеенышами нашу землю полонить вздумал. Звезду отнять хочет. Не дадим злому ворогу той звезды.

Загудел мир, поднялся на того змея. Тут и случилось чудо. Осень-то поздняя уж была, а Солнце с неба жарой стало палить по тем тучам черным. Луна взошла и Солнцу подсобляет. Так они светили, что тучи-то черные — змеи проклятые — в прах обратилися под Москвой.

Иосиф-то свет впереди войска и мира с мечом идет. Идут и изничтожают змеенышей. Дойдут они до змеиного города и главного змея изничтожат.

25-XII 1944 г.

17. ИГНАТ ПОМОГАЕТ КРАСНОМУ ВОЙСКУ

На берегу песчаного моря стоит могила. Та могила из самого лучшего, что ни на есть, мрамора сделана. А на могиле той крест большой стоит, золотой крест, восьмиконечный.

Крест-то изукрашен земчугом да каменьями дорогими. Посереди креста большой красный камень — рубин, в кулак величиной, вставлен. Старики гутарили, будто камень тот силу тайную имел. Его еще сам Игнат у салтана турского отнял и всегда держал при себе. Надобно, бывало, войско сделать невидимым, он тот камень потрет о свой чекмень, поглядит в него — и войско станет невидимым.

Ну, жил, жил Игнат Некраса на чужой земле да стало ему тягостно, не по себе. Страдал он за народ: привел в Турсию, а счастья не дал. Когда стало ему очень тягостно, он и сказал своим старикам, что час смертный ему пришел. Умирать, значит, пора. Только это он сказал с умыслом: Игнат-то — несмертный. Вот он и задумал заснуть. Мечтает: «Усну я, пройдет там сколько время, проснусь. Жизнь, поди, переменится».

Как подумал, так и сделал. Только перед тем как заснуть, призвал к себе стариков и приказ дал, чтоб его похоронили в могиле мраморной да чтоб на могиле крест золотой поставили, а в крест-то тот камень вделали.

Ну, значит, заснул Игнат-сударь, а старики похоронили и приказ его нерушимо исполнили: могилу сделали, крест поставили и камень вделали в золотой крест.

Больше двух веков спал Игнат. Только один раз, по осени это было, прилетела птица малая, села на золотой чуден крест и стала играть[1]. А песня та вот какая:

«Ты встань, Игнат-батюшка,
Да ты встрепенись, сударь.
Ты проснись же, Игнатушка:
На Рассею-матушку
Да пришли всё злые вороги,
Они огнем пожгли, попалили,
Малых детушек засиротили,
Молодых молодушек завдовили,
Матерей-отцов застарили.
Да ты поди же помоги разбить
Того змея со змеенышами».

Играет птица, а горючие слезы каплют с ее глаз на могилу. Протекла одна слеза наскрозь камня мраморного да и пала Игнату на щеку. Проснулся он, стал слушать ту птицу, — Игнат-то знал разговор всех птиц и зверей. Как услышал, что немчуга проклятая Рассею оскверняет, малых дету-

[1] Играть — петь.

шек сиротами оставляет, встал он, взял меч свой, вылез из могилы, вынул тот рубин из креста и пошел на восток.

Пришел он на Волгу-матушку под Царицын. Увидал войско Красное, а впереди войска Иосиф с инаралами[1] стоят и немчугу изничтожают. Игнат-сударь потер камень о чекмень, поглядел в него и стал невидимым. Встал он в ряды Красного войска да сказал:

— Нельзя, чтоб немчуга землю русскую засиротил.

Глядит он, как Иосиф-свет изничтожает немчугов, а за ним инаралы, тут и Игнат зачал своим мечом врагов бить. Немчуги напопят пошли, а наше Красное войско как пошло немчугу губить да гнать с земли нашей и по сегодня гонит.

В Красном войске и наши казаки сражаются и разные награды имеют.

Игнат-то все идет и идет вместе с Красным войском и до тех пор не ляжет он в свою могилу, пока черный город Берлин наши не возьмут.

27-VIII 1944 г.

18. РАЗРЯДИЛАСЬ МОСКВА БЕЛОКАМЕННАЯ

В не нашем царстве, в не нашем государстве жил-был злой, жадный царь. Стал он захватывать чужие земли. Вот подчинил он две державы, а всё ему мало. Обернулся тогда он змеем о двенадцати головах, о семи хоботах да и пополз со змеенышами по землям завоеванным. Обвили они те земли и кровь сосать из людей стали. Поедом едят и людей и скот. Поели и дальше поползли.

Дополз змей со змеенышами до земли русской: огнем палит, мечом рубит. Пожог, попалил города и к самой матушке Москве подбираться стал. Подбирается и мечтает: «Съем красавицу белокаменную».

Тут-то кликнул клич Иосиф-батюшка по государству великому, аж земля всколебалася. Собрал Войско красное да снаряжать начал дочь свою любимую, Москву белокаменную. Снарядил ее танками, пушками, самолетами, штыками острыми да пистолями длинными.

Снарядилась красавица Москва белокаменная и ждет антихриста-змея о двенадцати головах, о семи хоботах. Сарафан на ней и балахон[2] изукрашенные. Сидит и вздыхает.

Подошел тогда к ней воин-богатырь да гутарит:

---

[1] Инарал — генерал. [2] Балахон — верхнее широкое платье.

— Не вздыхай, белокаменная.

— А как же не вздыхать, когда змей-Гитлер подступает, — полонить меня хочет.

Богатырь утешает:

— Не съест тебя Гитлер, красавица. Не дадим.

Сидит красавица да высоко глядит, далеко смотрит. А по чисту полю змей со змеенышами ползет да ползет. Подползает змей, открыл свою пасть змеиную и хочет съесть ее. Тут-то и молвила красавица Москва:

— Так-то разве можно необглядемшись есть? Поглядел бы ты лучше назад.

Оглянулся змей назад, а ему богатырь красный шесть голов отрубил. Как начали из пушек палить, из пистолей бить да пошли танки по змеенышам, — тут и поползли змееныши ощипанные туда, откуда пришли. Ползут быстро назад, оглядаючись да озираючись. А богатырь красный все идет да идет и на хвосты ихние наступает, головы с плеч убирает.

Лишь две головы у змея остались. Занес богатырь меч и еще одну отрубил, а потом и последнюю отрубил.

Не пришлось змею тому ни съесть красавицу белокаменную, ни даже поглядеть на нее. А красавица Москва белокаменная высоко стоит да далеко смотрит...

25-IX 1944 г.

19. КАК ДЕВКА НА ВОЙНУ ХОДИЛА

Жил старик со старухой. Жить-пожить и нашли они себе дочку. Живут себе, а дочка растет и всё день ото дня краше становится. Старик со старухой печалятся: «Девка у нас есть, а парня нет».

Старики гутарят отцу девки:

— Какой же ты казак, раз у тебя одна девка, а парня нет? Будет война, кого пошлешь? Старуху? Не возьмут ее. Сам пойдешь? Тоже не возьмут. А девок на войне не надо.

Прошло время, девка на возрасте стала, замуж пора отдавать. А тут война началась. Кликнули клич по стране, у всех на войну парни пошли, а у старика со старухой некому идти.

Долго старик ходил по улице да все смотрел, как другие на войну своих сынов провожают. Пришел он домонь и гутарит старухе:

— Вот был бы у нас парень, пошел бы он на войну, отличился бы... А девку не пошлешь на войну.

Дочь слушала, слушала да и гутарит:

— Отец, я пойду на войну.

— Девок-то не принимают. Сиди уж дома. Молчи.

— Нет, принимают. Пойду на войну, заменю тебя.

Прогутарила так девка да пошла прямо к председателю совета да и спрашивает:

— Девкам можно на войну идти?

Поглядел на нее председатель, а она девка дебелая, натоптанная [1], кровь с молоком. Вот и отвечает:

— Тебе можно. Такую возьмут. Как, на коне пойдешь на войну, или в санитары запишешься?

— Знамо, на коне.

— Ну, ладно! — сказал председатель и в список её записал.

Возвернулась девка домонь и гутарит отцу:

— Ну, и заменила тебе, отец, парня. На войну иду.

— Не может того быть, чтоб девка на войну шла! Приказу такого не было!

— Приказу-то и не было, а председатель гутарил, что можно. Собирайте в дорогу меня да коня готовьте.

Обрадовался старик и гутарит ей:

— Смотри, дочка, казачий корень не посрами.

Стали старик со старухой дочку в путь-дорогу собирать. На утро девка одёлась по-казачьи, села на коня и побегла на войну.

Девка на третий день прибегла на войну. Месяц воюет, другой, третий. Подружилась с одним парнем. А тот и не знал, что она девка. Воюют они вместе, живут в окопах вместе. Раз призывает их к себе инарал и приказ дает:

— Приведите мне, добрые молодцы, немчугу главного, — инарала ихнего. Чтоб утром был!

Парень стоит и мечтает: «Где же взять инарала? Трудное дело». Ну, вот и молчит он.

Девка подождала, что скажет он, а потом, не дождавшись, гутарит инаралу:

— Доставлю немчугу главного.

Отдала честь и пошла. А парень стоит, стыдно ему стало.

— Доставим немчугу-инарала, — сказал и он, побег за девкой да и гутарит:

— Пойдем ночью.

Глянула на него девка и зарадовалась: она думала, что сробел парень-то, а он пришел.

---

[1] Натоптанная — крепкосложенная. [2] Мечтает — думает, размышляет.

Настала ночь, вот и пошли они туда, где стояло немчугово войско. Ходили, ходили, а потом девка приказ дает:

— Ты иди вон туда, где огни горят, а я в другую сторону пойду, а в двенадцать часов ночи свидимся.

Вот и пошли они каждый по своей дороге. Долго парень ждал ее. Потом прибегла девка на коне, а к седлу у нее немчуга привязан. Гутарит девка парню:

— Идем к нашему инаралу!

Приходят они к инаралу. Вот девка докладывать стала:

— Приказ исполнен!

Похвалил их наш инарал и отпустил, а сам в Москву отписал: так, мол, и так, два моих солдата храбрых главного немчугу доставили, как прикажете наградить? Получили в Москве письмо инарала, прочитали и запрос шлют ему: «Кто такие? Как зовут?» и прочая.

Получил запрос инарал, вызвал он парня и девку и распрос чинит: как зовут, где родители? Ну, и узнал, что она девка. Инарал так и отписал: «Девка немчугу главного доставила».

Тут все и узнали, что это девка. Узнали — и ничего: девка по-старому воюет, смелые дела творит. Прошло несколько время, — большую награду ей из самой Москвы прислали, да в газетах пропечатали. Читать-то я сама не читала, а наши дьячки[1] читали. Может, что и не так пересказала, только портрет ее своими глазами в газете видела.

22-XII 1944 г.

[1] Дьячки — ученики.

20. ТАРАС

В наш хутор пришли немцы, человек триста и все на конях. Спешились у правления колхоза, поставили пушку, пулеметы в разные стороны от правления да и по прогону[1] навели их. Явился ихний начальник, построил всех и команду какую-то дал. Отделилось солдат восемьдесят, разбились они по пяти человек да и пошли по хутору, по хатах—партизан искать. Все с автоматами, пистолями. В камышах-то у нас были партизаны, а на этот день в хуторе никого из них не было. Ну, вот ходят немчуги оружённые из хаты в хату. Зайдут и гутарят:

— Партизан есть?

— Нема, нема, — отвечают бабы.

Они не верят, начинают искать по хате, на дворе, на плану[2]. Высмотрели это все, а потом начали забирать кому что понравилось. У кого патефон, у кого часы, у кого из одёжи что тащут, а у кого курицу, свинью, хлеб печеный. Понабрамши всего, понесли к правлению. Большую кучу добра всякого наложили, а сами бегают округ, кричат, спорят, а свиньи тоже визжат, хрюкают, куры кудахчат, крыльями хлопают по земле, — ну, прямо конец света...

[1] Прогон — улица. [2] План — огород.

Прибег ихний начальник да как завопит что-то, — ну, немцы стихли, а животина — она же не понимает, ей что? — кричит себе да кричит. А начальник-то лопочет, ничего понять нельзя, только и понимаем, когда крикнет: «Партисан, партисан!» Ну, думаем, беда: наверно на след наших напали.

Всполошились они все, разделились опять по пяти человек и снова забегали по хутору. Пальбу открыли из пулеметов и автоматов. Народ весь поразбежался (бабы-то), один только Тарас остался на колхозном дворе. Крутится, как шальной: то к куче добра подойдет, то к пушке. Тарас-то блаженный какой-то, попросту дурачок.

Бабы и плачут и смеются: жаль же его, хоть он и дурачок. А он то присядет около пушки ихней, то встанет да все головой качает. Вышла Матрёнка Рабанина да и гутарит:

— Тарас, беги! Убьют тебя.

— Не убьют.

Тут немчуга один подошел к Тарасу, прогнал его. А он опять вернулся. Немец его как перетянет плеткой, а Тарас как закричит: — Ах ты, паразит! — Да с кулаками и полез на немца. Бабы, как увидали, заголосили:

— Тарас, уходи!

— Вот им! — показал немцу дулю Тарас.

Тут сбежались немцы да и давай колотить Тараса. Крутится он. Один немец его прикладом в спину как хряснул. А Тарас — здоровенный парень — споткнулся, да не упал. Нагнулся Тарас и побег к церкви, а за церквой кукуруза еще неубрана стояла. Добег до церкви. Немцы грозят ему, а Тарас то разожмет кулак, то сожмет и кажет что-то. А в это время немец один выскочил из-за церкви да к Тарасу. Подбег и за руку его — хвать. А у Тараса были патроны. Откуда, глупый, взял, бог его знает! Ну, думаем, плохо ему будет! А немец патроны взял да и смотрит их, вертит перед глазами; наверно, разбирал, чьи это патроны.

Тут одна баба как крикнет: «Беги, Тарас!» Тарас оглянулся да в кукурузу. Не успел немец за автомат взяться, а Тараса уж не видно. Как закричал немец с перепугу на весь хутор: «Партисан! Партисан!» Ну, и пошло тут несусветимое: заиграла труба, немцы посбежались — и к церкви. В руках автоматы, которые с пулеметами, гранатами, пистолями и все к кукурузе. Начальник кричит ихний. Приказ, что ль, давал им. Вот немцы и стали оцеплять кукурузу да такую стрельбу открыли, как на войне. Пули так и свистят.

Вот немцы стреляли, стреляли, а потом один из них забежал в кукурузу, а в это время кукуруза зашаталась, он и

бросил в то место гранату. Такой резкий взрыв был, все аж притихли, и вдруг в кукурузе визг раздался. Стрельба стихла. Все немчуги — в кукурузу.

И кричат:

— Партисан! Партисан!

Ну, думаем, конец Тарасу! Ан — нет: немцы прибегли в кукурузу, а там свинья. Гранатой-то ей бок вырвало, она и визжала. Свинья-то Дарьи Семутиной была. Дарья, бедная, думала укрыть ее в кукурузе от немцев, да вот какое дело вышло...

Всю ночь немчуги по хутору ходили да расспрашивали, где «Тарас партисан». Но только так и не поймали его...

23-IX 1944 г.

21. КАК НЕМЧУГИ ЛЮДЕЙ МУЧАЛИ

В августе сорок второго года Красная Армия отступила через наш хутор на Керпили. Ну, потом несколько дней никого не было. Казаки наши сердовые вместе с Красной Армией ушли, а пожилые в камышах схоронились. Остались одни только старики, мы, бабы, да дети в хуторе. Не ушли только двое: Соломонида Чеботарева—депутат наш, и председатель совета Мокей Андреевич Сиротин. Чеботарева опоздала уйти-то, а Мокей Андреевич раненым был и дома лежал.

Ну, день так мы сидим и чего-то ждем, другой, третий. На улицу никто не выходит. На хуторе тихо, как будто умерли все. Худоба — и та замолчала, а собаки, которые на хуторе были, запропастились куда-то, ну, ни одна даже не гавкнет. Сидим мы это и ждем, а чего ждем — сами не знаем, только уж страх такой напал на всех, что и гутарить-то перестали. На что у меня два утенка такие крикливые были — и те стали ходить по двору не так: идут да все припадают к земле, полежат немного, а потом поднимутся и опять пойдут. Да и то не во весь рост, а точно кто их придавил к земле.

Не то на пятый, не то на шестой день кто-то крикнул:

— Немцы идут!

Всполошились все, бегают, кричат, прячут вещи свои, — куда и страх девался! Прямо светопреставление началось. Бабы из хат одежонку тянут на планы, в ямы, в кукурузу. Шумят все, бегают, а в эту неразбериху как раз и въехали в хутор немцы, все на конях, человек триста их было, и у каждого в поводу по пяти коней.

Стали они по хатам ходить, спрашивают про партизан и депутатов, а сами глазами рыщут, замечают, где что лежит.

Немцы уже у Матрены-соседки были, а дочка моя всё прячет, а я всё бегаю из хаты в сад, а из сада в хату. Что со мной было — не знаю. Оробела, что ль? Только чую, что стоять на одном месте нельзя, — ноги и руки трясутся, вот я и сную из сада в хату и обратно, а тут Нюра как заголосит:

— Мама, немцы идут!

Вскочила я в хату, а они уже ворошат все, шарят. Подходит ко мне один такой белобрысый, дебелый, натоптанный, а глаза у его мутные, как вода в нашем лимане. В руках у его ножик, такой длинный, и что-то деркочит[1] он посвоему, а ножик-то к груди мне приставил и подозвал к себе полицая... Будь он трижды проклят этот полицай-то! У нас жил до прихода немцев, анафема; не наш он — из эвакуированных. Мы-то ему и хлеба нанесли, и хату дали, и одежонку кой-какую, а он, собачье рыло, тотчас как пришли немцы, в полицаи поступил. Ну, вот, подошел он к немцу, а тот ему что-то гутарит, а он меня спрашивает:

— Ты Дарья Семутина?

— Я, — отвечаю, а сама дрожу: заберут, думаю.

А он, образина, опять спрашивает:

— Где депутат Соломонида Чеботарева и председатель Сиротин?

— А я не знаю.

— Не знаешь?!

— Нет.

Говорю это, а сама, хоть и боюсь его досмерти, а гляжу на полицая твердо. Он что-то сказал немцу. А тот всё ножик у груди моей держит. Полицай опять ко мне:

— Что у тебя есть?

Отлегло у меня на душе. Отвечаю:

— Ничего нет.

— Как так нет?! Валенки есть?

— Нету валенок.

— Нам, Дарья, все известно. У тебя валенки есть, шуба есть, сапоги есть, костюм мужа есть... Не пожертвуешь немецкой армии — сами отберем.

— Ничего нет, а что видите, то не мое, а детей моих!

Искали, искали, ничего не нашли. Зашли в сарай, взяли корову да увели. Я как закричу, а полицай подошел ко мне, выругался:

---

[1] Деркочит — говорит.

— Молчи, бунтовщица! Все вы, некрасовцы, — смутьяны, цареотступники, красных ждете. Будет вам ужо!

Я и замолчала.

Награбили немцы добра разного, поотымали худобу. На другой день согнали нас всех к правлению и списки прочли, а в них сказано, кто в каком списке находится, а потом третий — смертный, а в нем Соломонида Чеботарева да Мокей Андреевич Сиротин и еще несколько человек.

Потом видим: Соломониду нашу и Сиротина привязали к скамьям немчуги треклятые и бьют нещадно. Мир загудел, зашумел, а немчуги с пистолями длинными пошли. Отхлынул мир. Били, били бедных Соломониду и Мокея, а потом отливать водой стали. Отлили и спрашивают, где депутаты и партизаны. А они, родные, молчат.

Опять бить их стали. Стегают плетьми немцы Соломониду с Мокеем, а мы дрожим все, как бы, все едино, нас это раздели донага и бьют. Когда по сто плетей им дали, в сарай бросили. А мир стоит и не расходится. Нам кричат: «Расходись!», а мы стоим. Вышла вперед всех наша Катька да крикнула:

— Идите к начальству, Соломониду с Мокеем вызволять.

Полицай поднял кулаки, кричит: «А, бунтовать!» да немцам на нас показывает. Бабы тут грудью пошли на него. Оттолкнули его — и к коменданту. Комендант поглядел, поглядел и видит: дело плохо, может взбунтоваться весь мир. Вот и отдал Соломониду и Мокея на поруки всему хутору.

Целую неделю, как в аду, жили. Но скоро родная Красная Армия наступать стала и вызволила нас из беды тяжкой.

20-VIII 1944 г.

СВЕДЕНИЯ О СКАЗИТЕЛЯХ

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА КАПУСТИНА

Родилась Т. И. в 1854 г. в Турции. Неграмотная. На родину приехала в 1912 г. Живет с приемной дочерью Ф. И. Варичевой и внуками. Дочь работает бригадиром в колхозе.

Несмотря на 90-летний возраст, Т. И. неустанно трудится с 6 часов утра и до позднего вечера. Она рушит кукурузу и пшеницу на ручной мельнице, печет хлеб, ухаживает за скотиной, содержит дом и двор в полной чистоте, обрабатывает летом свой огород. Без какого-нибудь дела она не может оставаться и не терпит, чтобы ее внуки сидели без работы. Даже тогда, когда она «играет» песни или рассказывает сказки, все равно чем-нибудь занята. Это — худенькая, слабая на вид старушка, ходит очень легко и быстро. Недаром внуки говорят о ней: «Вон наш ветер мчится». По своему характеру — общительна, гостеприимна и добра. Ум пытливый.

Исполняя старые тексты, Т. И. свободно импровизирует. Даже песни и сказки, имеющие установившееся, точное содержание и свою традиционную поэтическую обрядность, в ее устах видоизменяются, становятся самостоятельными вариантами (что особенно относится к лирическим песням).

Без участия Т. И. ни ранее в Турции, ни теперь — на хуторе Новонекрасовском не проводился ни один «курагод» (хоровод), ни одна «беседа» (пир), ни одна свадьба.

Во всех песнях, сказках, как старых, так и современных, входящих в репертуар Капустиной, преобладает тема горячей любви к Родине, жгучей ненависти к ее врагу.

Всего от Т. И. за 1939—1941 и 1944 гг. записано: 175 песен и былин, 50 сказок старого фольклора и 12 произведений об Отечественной войне.

В этом сборнике ей принадлежат произведения за №№ 1, 3, 4, 7, 8, 10, 12, 19.

Т. И. КАПУСТИНА

А. Л. ЗАЙЦЕВА

АГАФЬЯ ЛУКЬЯНОВНА ЗАЙЦЕВА

Родилась А. Л. в 1865 г. в с. Майнос (Турция). На родину возвратилась в 1912 г. А. Л. еще бодрая, крепкая старуха. Лицо строгое, в глазах светятся решительность и твердая воля. Она резка и прямолинейна в своих суждениях.

Имеет 6 детей; один из них, Иван (быв. предколхоза), находится в рядах Красной Армии и получил боевые награды.

Хуторяне по праву считают ее лучшей исполнительницей старой казачьей походной песни, а также сказок (особенно сказок-быличек: о леших, домовых, русалках, чертях и т. п.). Казаки говорят: «Вам песню записать? Так это надо идти к Агафье Лукьяновне. У нее их чувал[1] неразвязанный». И действительно, когда к ней обращаешься с просьбой, чтобы она «сыграла» песню, она неизменно отвечает: «Да как же это сразу-то? Песен-то у меня целый чувал, да его развязать надо, конец найти».

Но как только она находит «конец», т. е. одну из песен для начала, то тогда она «играет» их одну за другой и может исполнить их не меньше как десятка полтора без перерыва. При этом любит делать остановки, различные пояснения, потому что вдруг ей в это время пришло на память что-нибудь интересное и она стремится быстро изложить то, что ее волнует, хотя бы это не относилось к исполняемой песне или сказке.

В отличие от Т. И. Капустиной, в репертуар А. Л. входят, главным образом, песни походные и «серцебитные» (шуточные). Песни лирические, о сердечном чувстве, любви не являются ее жанром, хотя песни о тяжелой женской доле входят в ее репертуар. Сказки и легенды в передаче А. Л. ритмичны, лаконичны, выразительны. Поэтический домысел используется ею, но далеко не в таком объеме, как это делает Т. И. Капустина. Бывает так: «играет» она песню или рассказывает сказку и вдруг — что-то забыла (будет ли это отдельный стих или эпизод какой). Она спешит сказать: «Вот и конец».

Зверства немцев на хуторе, где живет А. Л.., жесточайшее избиение ими народных избранников — М. Сиротина и С. Чеботаревой (внучки А. Л.), грабеж и насилия, творившиеся фашистами, сожжение ими живьем активистов-колхозников в соседней станице, — все это вызвало в А. Л. горячую ненависть к врагу.

Интересны особенности ее импровизации. Приведу такой пример: записав от Т. И. Капустиной плач «Будь ты проклят, Гитлер!», я в тот же день пошел к А. Л. и прочел его. Плач этот на нее сильно подействовал. Она расплакалась и стала рассказывать о пережитом ею при немцах, потом перешла на речитатив, а затем стала «голосить» (причитать). Так ею создан был плач «Да вот пошел же он, враг» (№ 11 сборника). Переделкой старой некрасовской песни является и песня «Во когтях держит орел» (№ 5).

Сказка-легенда «Разрядилась Москва белокаменная» (№ 18) также создана А. Л., при чем она творчески использовала только общий сказочный мотив о змее, поедающем людей.

Всего от А. Л. в течение 1939—1941 и 1944 гг. записано: 120 песен и былин, 30 сказок, а также (в 1944 г.) 7 произведений на темы Отечественной войны. А. Л. неграмотна.

[1] Чувал — мешок.

И. В. ГОСПОДАРЕВ

Г. Е МОРОЗОВ

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГОСПОДАРЕВ

И. В. родился в 1875 г. в с. Майнос (Турция). Родные и он сам занимались в Турции рыболовством. В 1912 г. он вернулся на родину. Ряд лет работал на рыбных промыслах, был даже на Дальнем Востоке. С 1934 г. — член колхоза, работает в нем плотником, славится своим плотничьим искусством. И. В. — колхозник-активист, проявляющий свою инициативу в общественных делах хутора. Сын его, Николай. участник Отечественной войны, имеет правительственные награды.

И. В. умен, рассудителен, имеет большой житейский опыт, бывал во многих странах (Турция, Греция, Болгария, Румыния, Аравия, Египет). На хуторе он является единственным хранителем красочных преданий об Игнате Некрасове и истории некрасовцев. В этом жанре он истинный художник, импровизатор.

В то же время И. В. — создатель новых легенд-сказок об Отечественной войне, напр., «Игнат помогает Красному войску», где он сближает образ Игната с советской действительностью, делает его участником всенародной войны против немецко-фашистских захватчиков.

В период немецкой оккупации Новонекрасовского хутора И. В. отказался работать на немцев и агитировал среди некрасовцев, чтобы они не выполняли распоряжений оккупантов. За это он был арестован и отправлен к коменданту ст. Приморско-Ахтарской, но по дороге бежал и в течение нескольких месяцев укрывался в камышах. Немецкие власти заочно приговорили его к смертной казни. На хутор он вернулся только с приходом Красной Армии.

Всего от И. В. записано в 1944 г. 40 песен, 15 легенд дореволюционного содержания. Об Отечественной войне записано от него в 1944 г. 2 песни, 3 сказки-легенды и 1 рассказ-воспоминание.

В этом сборнике ему принадлежат произведения за №№ 15, 17 и 20.

ГЕРАСИМ ЕФИМОВИЧ МОРОЗОВ

Г. Е. родился в 1865 г. в Добрудже, в некрасовском селении «Слава Черкасская»; на родину приехал в 1912 г.; работает мельником в колхозе «Красная звезда» (хутор Новопокровский). Несмотря на преклонный его возраст (80 лет), некрасовцы считают его незаменимым, прекрасным работником. Он не только мельник, но и электромонтер, слесарь, плотник, винодел.

За свою долгую жизнь многое видел, бывал в Румынии, Болгарии, Турции, Греции.

В основе его репертуара — военно-походные песни. В 1939—1941 и 1944 гг. от него записано 30 песен и 10 сказок. В этом сборнике ему принадлежит песня за № 6.

ФЕДОСЬЯ ИВАНОВНА ВАРИЧЕВА

Ф. И. принадлежит к более молодому поколению исполнителей-импровизаторов устной поэзии. Родилась в 1898 г. в с. Майнос (Турция). В пятилетнем возрасте была взята на воспитание Т. И. Капустиной. Активистка, была членом совета до войны,

Ф. И. ВАРИЧЕВА

Е. С. МАКАРЧИКОВА

сейчас — член правления колхоза и работает бригадиром. Ф. И. грамотная, читает газеты, брошюры, классиков нашей литературы.

Мастерством исполнения старинной русской песни она овладела под руководством Т. И. Капустиной. В своем творчестве она черпает из старого наследия поэтическую традицию: тему, образы. Даже Т. И. очень часто обращается к ней с просьбой напомнить ту или иную забытую ею старую песню.

Былина «Как пошел Иосиф-свет» (в сборнике под № 2) — импровизация, созданная Ф. И. по образу старой былины о Федоре Тырнине.

Самым замечательным произведением, созданным Ф. И., является сказка «Сын Солнца и Луны» (в нашем сборнике под № 16). В этой сказке, с одной стороны, отражена творческая контаминация многих сказочных мотивов (напр., мотив о змее со звездой, о луне и солнце и пр.), а с другой стороны — имеется большой творческий домысел, в результате чего создана своеобразная, оригинальная сказка.

Запись произведений об Отечественной войне от Варичевой производилась в августе — декабре 1944 г. В этом издании ей принадлежат №№ 2, 16.

МАТРЕНА СИДОРОВНА РАБАНИНА

М. С. родилась в 1886 г. в с. Майнос. На родину прибыла в 1912 г. Во время гражданской войны ее муж был красным комиссаром, умер в 1925 г. Дочь М. С. (Соломонида Чеботарева) депутат районного совета.

М. С. хорошо знает и исполняет старые некрасовские песни, преимущественно лирические. Этот жанр отвечает ее мечтательной, тихой натуре. «Плач о депутатах районного совета» она голосила в 1942 г., когда немцы 28 августа избивали ее дочь и приговорили ее к смерти.

В настоящем сборнике ей принадлежат №№ 9 и 13.

ЕКАТЕРИНА СИДОРОВНА МАКАРЧИКОВА

Е. С. — младшая дочь А. Л. Зайцевой. Родилась она в 1901 г. Муж ее и сын погибли на фронте Отечественной войны. Хорошо знает старую некрасовскую песню. До войны от нее было записано 40 песен. «Плач по сыну-воину» (в сборнике под № 14) записан от нее в августе 1944 г.

ДАРЬЯ СИДОРОВНА СЕМУТИНА

Дочь А. Л. Зайцевой. Родилась в 1898 г. в с. Майнос (Турция). На родину прибыла в 1912 г. Состоит членом колхоза, работает примерно, не раз была премирована.

Из всех жанров творчества она наиболее освоила реалистический рассказ. Даже поэтические легенды об Игнате она превращает в реалистические произведения.

В этом сборнике ей принадлежит рассказ-воспоминание «Как немчуги людей мучали» (№ 21).

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. В. Тумилевич — Предисловие 3

Сказы

1. Про свет-сударя Иосифа 11
2. Как пошел Иосиф-свет 12
3. Расступись ты, мать-земля русская 14

Песни

4. Мать-зеленая дубровушка 16
5. Во когтях держит орел 16
6. Я пущу стрелу 17
7. Кабы мне крылушки 18
8. Назад воротила Красна Армия 18
9. Разливались быстрые речушки 19

Плачи-причеты

10. Будь ты проклят, Гитлер 20
11. Да вот пошел же он, враг 21
12. Дитятка моя полоненная 22
13. Плач о депутатах районного совета 24
14. Плач по сыну-воину 24

Сказки и легенды

15. Меч правды 26
16. Сын Солнца и Луны 30
17. Игнат помогает Красному войску 34
18. Разрядилась Москва белокаменная 36
19. Как девка на войну ходила 37

Рассказы

20. Тарас 40
21. Как немчуги людей мучили 42

Сведения о сказителях 45

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Інв. № 296621

Редактор С. И. Семенов. Обложка и рисунки А. Е. Губина.

Изд. № 103-7939. Подписано к печати 12 октября 1945 г. Объем 3,5 п. л.
Тираж 5000 экз. ПК 23217. Типография им. Калинина РОУИ и П
в Ростове на Дону. Заказ № 3264.